

Ethnicity Factor for Performance of Political Culture in Modern Russia

LE PHÉNOMÈNE ETHNIQUE COMME LE FACTEUR DU FONCTIONNEMENT DE LA CULTURE POLITIQUE DE LA RUSSIE MODERNE

Этничность Как Фактор Функционирования Политической Культуры Современной России

А. П. Шмелев¹

О.Ю. Шмелёва²

Abstract: This submitted article is concerned with the study of ethnicity phenomenon and the concept of regional identity as the factors of performance of modern Russian political culture in a context of nationalities policy which is conducted by the Government of the Russian Federation, on the one hand, politico-social processes happened to be in the state, on the other hand.

Key words: political culture; ethnicity; national identity; regional identity; regional subculture

Résumé: L'article présenté est consacré à la considération du « phénomène ethnique » et de la notion « l'identité régionale » comme les facteurs du fonctionnement de la culture politique moderne de la Russie dans le contexte de la politique nationale suivé par le gouvernement de la Fédération de Russie d'un côté, des processus socio-politiques passant dans l'État – de l'autre.

Mots-Clés: La culture politique; Le phénomène ethnique; L'identité nationale; L'identité régionale; La subculture régionale

---

¹Нижегородский государственный университет, Россия

²Нижегородский государственный университет, Россия

* Received 10 August 2009; accepted 1 September 2009

Аннотация: Представленная статья посвящена рассмотрению феномена «этничность» и понятия «региональная идентичность» как факторов функционирования современной российской политической культуры в контексте проводимой правительством Российской Федерации национальной политики, с одной стороны, и протекающих в государстве социально-политических процессов – с другой.

Ключевые слова: политическая культура; этничность; национальная идентичность; региональная идентичность; региональная субкультура

«В современном мире ...культурные идентичности (этнические, национальные, религиозные, цивилизационные) занимают центральное место, а союзы, антагонизмы и государственная политика складываются с учётом культурной близости и культурных различий», - отмечает С. Хантингтон (Хантингтон С., 1997). Именно культурная идентичность и связанные с ней общие представления социума о прошлом, единстве исторической судьбы лежат в основе государств-наций. Политическая культура способствует формированию у людей чувства принадлежности к определённой общности.

В полиэтничной и многоконфессиональной России особую актуальность представляет проблема формирования региональных политических субкультур и региональной идентичности, тем более что значительная часть регионов РФ строит свою идентичность на этническом либо этноконфессиональном фундаменте. Историческое развитие российского государства было неразрывно связано с формированием на его пространстве не только этнических, но и территориальных общностей, выделяющихся своей индивидуальностью, имеющих свою социокультурную специфику, которую можно определить понятием «региональная идентичность», отождествляемым некоторыми исследователями (С.А. Бабаевым, в частности) с вариантом субэтнической идентичности. Причём, последняя определялась в истории, например, для этнических русских не национальной, а территориальной принадлежностью. Российские пространства мешали формированию цельной русской идентичности. Имели и имеют место культурные дистанции между различными географическими группами русских. Долгое время, - считает С.А. Бабаев, - русские идентифицировали себя не с определённой социальной группой, этносом, а со страной, государством в целом, жертвуя этничностью в пользу державности (Бабаев С.А., 2000). В кризисные же для единого государства периоды, такие как Смута, Революция 1917 г. и Гражданская война, распад СССР, социально-политическая мобилизация зачастую проявлялась в воспроизводстве региональной идентичности.

В современной политологической науке принято различать понятия национальная и этническая идентичности (Ачкасов В.А., 2005). Национальная идентичность, в отличие от этнической, предполагает осознание индивидом своей принадлежности к социополитическому образованию (государству). То есть для одной решающим фактором является культурная общность, для другой – политическая. Уровень актуализации этнического потенциала дифференцируется в зависимости от степени открытости власти по отношению к народам, населяющим страну. При определённых условиях (системный кризис, распад государственности) происходит политизация этничности.

Один из идеологов современного правительства России в сфере национальной политики В. Сурков отмечал, что: «Холистическое мировосприятие позволяло русской культуре гибко взаимодействовать с другими культурами народов России, интегрировать, не разрушая всё многообразие их обычаев, сохраняя целостность».³ Возвышение Центра над регионами, запрет создавать политические партии на основе регионального, религиозного принципов мотивируется властью как меры по сохранению целостности государства, консолидации общества. «Партии должны не только разделять избирателей по взглядам, но и объединять их вокруг общих

³ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция В. Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете». – М.: Изд-во «Независимая газета», 2007. – 96 с. – С. 8.

ценностей».⁴ Фактически данное положение отражает традиционную для правителей России (на всех этапах ее существования) точку зрения. И в дореволюционный период, и в советский правящая элита оперировала надэтническими общедержавными идеологическими конструкциями, низводящими фактор этнической идентичности. В настоящий момент нельзя уверенно говорить о наличии окончательно сформировавшейся общегосударственной идеологии. Но многовековое существование в рамках таковой отразилось в политической культуре России в целом и населяющих ее этносов в частности.

Россияне в большей степени, чем население любой другой страны подчёркивают свою принадлежность к государству (1994 г. – 49%). Из западных стран только исландцы стоят рядом с россиянами по уровню идентификации со своей страной (в 1990 г. – 48, 1 %). Доминирование общегосударственной идентичности над локальной фиксируют материалы опросов более позднего времени: в 1999 г. 49% россиян соотносили свою принадлежность с государством, 17% - с регионом, 17% - с городом или местностью (Рукавишников В.О., Халман Л.&Эстер П., 1998). Подобное явление, во многом, оказало положительное воздействие на преодоление социально-политического кризиса 1990-х гг., представляя по настоящий момент элемент стабильности Российской государственности. Но, как было сказано выше, потенциально возможность конфликта между национальной (державной) и региональной (территориальной, этнической, этноконфессиональной) идентичностями сохраняется. Что влияет на реализацию национальной политики Правительством Российской Федерации. Эффективность данного курса во многом связана с изучением и учетом особенностей политической культуры России как матричной основы процесса диалога между властью и обществом.

Политическая культура современной России – явление многоуровневое, полиструктурное. Её специфика связана с существованием в рамках единого пространства страны особого уровня региональных субкультур, дифференцирующихся по уровню социально-экономического развития, типу политического поведения в них электората, особенностям массового сознания, степени лояльности регионов федеральной власти, формам взаимоотношений с Центром, этноконфессиональному составу. Это даёт основание некоторым исследователям говорить о «внутреннем расколе» политической культуры современной России, противоречивости её сегментов. В политологии также существует мнение, что политическая культура как целостный, структурированный феномен – это научная абстракция. Для описания политических процессов, более глубинного раскрытия их содержания речь необходимо вести об отдельных субкультурах, в частности, о региональных.

Практическая проблема состоит в преодолении зародившегося в начале 1990-х годов статусного конфликта между региональными субкультурами и Центром и его последствий, связанных с дифференциацией политико-культурного пространства, фрагментарностью идеологического поля. Этническая и религиозные компоненты зачастую усиливали центробежные тенденции, переводя конфликт в стадию эскалации и вооруженного противостояния (наиболее яркий пример – ситуация в республике Чечня - Ичкерия). Для модернизационного развития РФ, поступательного движения вперёд необходимо было этот конфликт преодолеть. Что, в свою очередь весьма актуальной делает задачу теоретического рассмотрения всех граней данной проблемы, в том числе и изучения региональных субкультур.

Под региональной субкультурой следует понимать совокупность однородных ценностных ориентаций граждан, проживающих на определённой территории, и соответствующие им формы политического поведения. Системообразующими факторами формирования региональных субкультур выступают устойчивые традиционные ценности, исторические, этнические, религиозные традиции, особенности национального характера, уровень развития самосознания, геополитический статус региона, социально-экономические предпосылки. Поскольку внутри региональных субкультур существует своя дифференциация (по национальному, религиозному принципу) и границы субъектов федерации не всегда совпадают с районами проживания отдельных этнических, социальных групп, то следует различать понятия «региональная

⁴Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция В. Суркова. .... С. 8.

субкультура» и «территориальная идентичность». Под территориальной идентичностью понимают «отношения социальных субъектов с общественно-политическими институтами», которые могут носить культурный, региональный, этнический характер. Последняя формирует специфический, характерный тип поведения, чувство единства, «малой родины»; она объединяет население, поддерживает генетическую память, патриотизм. На её становление оказывают влияние географическая среда, культурные традиции (Шматко Н.А., Качанов Ю.Л., 1998). Характерным для России примером «территориальной идентичности» является Зауралье в целом, Сибирь и Дальний Восток в частности.

В современной политологии существует обширная классификация региональных субкультур в связи с кардинальными различиями в массовом сознании и электоральном поведении избирателей национальных, модернизированных регионов, Юга страны. В. А. Колосов, А. Д. Криндач выделяют в рамках культурного поля современной России три основных среза. Первый представлен жителями столиц, межрегиональных центров, отличается более политизированным электоратом, независимостью суждений, политического выбора. Второй – субкультурой жителей областных и республиканских центров с присущим ей приоритетом региональных интересов над общероссийскими, традиционализмом, ориентацией на местного лидера. Жителям малых городов, села свойственны особые ожидания от государства, зависимость суждений от мнения местного руководителя (Колосов В.А., Криндач А.Д., 1994).

А.С. Ахременко предложил классификацию по степени и формам электоральной активности. Различает четыре группы регионов: с низкой, средненизкой, средневысокой и высокой явкой. Как и у предыдущих авторов, речь идёт о внутренней сложности и дифференциации поведенческой структуры в рамках региона (Ахременко А.С., 2005).

Но рассмотренные выше классификации не универсальны применительно к РФ. Примером может служить Татарстан, который по результатам выборов 1993 г.в Государственную думу подпадал под категорию регионов с низкой степенью активности (согласно классификации А.С. Ахременко), а, начиная со второй половины 1990-х гг., демонстрировал высокие показатели явки. Поэтому к уже названным можно добавить национальные и удалённо – оторванные (Сибирь, Дальний Восток) от центра регионы страны.

Россия изначально формировалась как полиэтничное многоконфессиональное государство, что определяло политику Центра по отношению к территориям по мере их вхождения в российскую экономическую и социально-политическую систему. В процессе интеграции и реализации политики формирования великодержавной идентичности ряд различий стирался, но оставшиеся, принципиальные (например - этнорелигиозные) по настоящий момент могут считаться одними из определяющих при выделении субрегиональных общностей и политических культур. С другой стороны, даже применительно к территориям, преимущественно населённым русским этносом, учитывая специфику исторического развития отдельных территорий (отдалённость, интеграционные тенденции по отношению к автохтонному населению и проч.), логично рассматривать самостоятельные типы политической культуры.

Каждый из типов демонстрирует свою иерархию ценностей, манеру поведения. Жители Юга России – приверженность этатистским традициям, ориентацию на сильную личность, скептическое отношение к либеральным ценностям. Национальные регионы представляют собой анклав с особой электоральной культурой, «заповедники» советской модели голосования. Отражением последней служит безальтернативность выборов, огромный разрыв между лидером гонки и его соперниками, патернализм (определяющая роль местного лидера), высокая степень управляемости электората. Причём, десятилетие демократических преобразований не пошатнуло основ советской модели голосования.

Последний тезис наглядно иллюстрирует ситуация в Татарстане. М. Шаймиев на протяжении последних десяти лет является бесменным политическим лидером, определяющим политический климат в республике, имеющий реальные рычаги манипулирования сознанием населения республики. В начале 1990-х годов, движимый сепаратистскими устремлениями и будучи не заинтересованным в диалоге с федеральной властью, Татарстан целенаправленно

устранился от участия в думских выборах 1993 г., провалив явку на референдуме по принятию конституции РФ (13,9 и 20% соответственно). Последние парламентские (декабрь 2003) и президентские выборы (март 2004) выявили, что феномен управляемости вновь наглядно проявился в большинстве национальных регионов, в том числе и в Татарстане: «Единая Россия» на парламентских выборах получила здесь 59,6% голосов, в Мордовии – 79, 56%, в Чечне – 77,37%, в Дагестане – 67,6%. В выше названных регионах отмечена и наиболее высокая явка и процент голосов поданных за В. В. Путина на президентских выборах: в Ингушетии – 96,2 и 98% соответственно, в Чечне – 94,2 и 92,35; Дагестане – 94 и 94,6; Башкирии – 89 и 92; Калмыкии – 71,5 и 79.⁵ Сказалось влияние административного ресурса, особенно в регионах с низким уровнем жизни. Но абсолютизировать роль последнего не стоит. Так, в Татарстане центристские тенденции имели под собой и объективные причины. Дело не только в высокой степени управляемости. Регион экономически развит на фоне других, поэтому менее зависим от Центра. Существует мнение (Дырин С. П.), что для Татарстана центристская позиция связана с возможностью оградить республику от межнациональных конфликтов, которые неизбежны как в случае победы левых сил (КПРФ) с их великодержавностью, ущемляющей интересы татар, так и правых со присущими им прозападными ценностями. Для значительной части жителей республики прозападные ориентации означают, кроме всего, усиление христианства в регионе. В Башкортостане, по мнению региональных исследователей (Ишманова Г.Д., Савичев В.Л.), в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сохранялась сильное влияние административного ресурса, значительная часть «мобилизованного электората». Ишманова говорит о том, что в сравнении с выборами 1995 г. стали более чётко «прогнозироваться» «победители» (Ишманова Г.Д., 2002; Савичев В.Л., 1998).

Татарстан выделяется и в другом плане. В начале 1990-х гг. население республики поддержало Лидера в его центробежных тенденциях, что нашло отражение в принятии документов с ярко выраженными сепаратистскими чертами. Как пример можно взять «Декларацию о государственном суверенитете Республики Татарстан» от 30 августа 1990 г., «Постановление Верховного Совета Татарской ССР «Об Акте государственной независимости Республики Татарстан»» от 24 октября 1991 г. и Конституцию Республики Татарстан, по которой данное территориальное образование выступало по отношению к РФ как равноправный партнер.⁶ По мере стабилизации ситуации в сфере политического развития России ситуация менялась. И на настоящий момент мы видим следующую картину: Президент Татарстана (впрочем, как и лидеры других национальных образований) является членом партии Единой России, ее региональным лидером, соответственно – население республики в подавляющем большинстве поддерживает политику Центра и кандидатуры правящей элиты (о чем было сказано выше). Следует отметить, что этнический фактор во многом определял взаимоотношения Центра и регионов в 1990-е гг., когда во времена Б. Ельцина были подписаны договоры о разграничении полномочий субъекта Федерации и регионов, а чаще о льготах и преференциях территориального образования со многими субъектами РФ. Процесс приведения взаимоотношений субъектов и Федерации к конституционным нормам начался уже при В. В. Путине.⁷ Этому во многом способствовала реформа системы Федеральных округов; учреждение института Полномочных представителей Президента РФ, утвержденный указом Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 года⁸; создание Министерства регионального развития РФ согласно Указу Президента РФ № 1168 от 13 сентября 2004 года.⁹ С другой стороны, по мере стабилизации и улучшения социально-экономической обстановки в стране, вновь на первые роли вышел фактор государственной идентичности.

К следующему типу можно отнести Сибирь, Дальний Восток. Замкнутость, отдалённость от Европейской части России, определённая свобода в жизнедеятельности, подкреплявшаяся

⁵Эксперт, 2003, № 47. С.23; Власть, 2004, № 11. С. 17.

⁶Декларации о государственном суверенитете Республики Татарстан от 30 августа 1990 г.// [http:// www.ken.ru/ tay_ru/ politics/](http://www.ken.ru/ tay_ru/ politics/).

⁷Парад суверенитетов заканчивается? ZRPRESS. № 64. 20 августа 2002/ [http:// www.zrpress.ru/](http://www.zrpress.ru/).

⁸Указ Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 года// <http://www.dfo.ru/plenipotentiary/docs/u13052000/>.

⁹Указ Президента РФ № 1168 от 13 сентября 2004 года// http://www.government.gov.ru/data/news_text.html.

обилием земельных ресурсов, этноконфессиональный и миграционный факторы способствовали формированию у жителей региона чувства независимости от Центра и его структур. Демократизм изначально стал одной из важнейших черт сибирского образа жизни, ведь там не было крепостных, сыграла свою роль атмосфера толерантности между поселенцами и коренным населением. Большинство областей Сибири принадлежит к числу регионов со средневысокой и высокой степенью избирательной активности (Омская, Тюменская области, Алтайский край и др.).

Однако, идентичность изменчива, зависит от конкретной социально – политической, экономической ситуации, от отношений с другими культурными, этническими группами. Она всегда имеет иерархический характер, то есть человек ощущает себя одновременно и жителем своей страны, и одного из её регионов, но при этом приоритеты могут быть расставлены по-разному. Немаловажную роль играет эффективность и результативность политики федеральных и региональных властей, способность оперативно решать актуальные проблемы социума. Так, на фоне неблагоприятной общероссийской экономической конъюнктуры 1990-х гг. и неспособности федеральных властей кардинально изменить ситуацию, хозяйственная, социально ориентированная политика отдельных региональных лидеров обеспечила последним победу на губернаторских выборах. Как свидетельствуют материалы статистики, на протяжении 1990-х годов в России реальный доход населения не только не обнаруживал тенденции к росту, напротив, оставался стабильно ниже уровня 1990 г., составив в 1991 г. 77,7%, в 1992 г. – 40,4%, в 1993 г. – 46,9%, в 1996 – 44,6%, в 1997 – 46,2%. 2/3 россиян имели доходы ниже среднего (в 1995 г. – 63%, 1996 – 64%, 1997 – 67%). Отношение минимальной зарплаты к прожиточному минимуму и реальные доходы неуклонно снижались: в 1991 г. они составляли к уровню 1990 г. 36,8 и 71,7%, в 1996 г. 20 и 30%, 1997 г. -20,1 и 32,3% соответственно.¹⁰ Так, акцентирование внимание К. Титова на бюджетном федерализме, разграничении полномочий между Центром и регионами, протекционистские меры в отношении местной промышленности, решении проблем социально незащищённых категорий населения обеспечили ему поддержку населения и пост руководителя в Самарской области. В этих условиях этноконфессиональный фактор зачастую становился идеологической основой социально-политической мобилизации, стержнем, вокруг которого осуществлялось единение населения региона, инструментом манипулирования для региональных политических элит, своего рода элементом духовной защиты от негативных процессов обыденности. Многие политические лидеры строили свои отношения с Центром на основе противостояния, передела сфер влияния и собственности, т.е. на основе создания конфликтной ситуации. Как результат – проекты образования субъектов с различной степенью независимости от центра, а также активизация интеграционных (можно сказать и экспансионистских) процессов со стороны сопредельных государств. Например, в середине марта 1997 г. председатель парламента Турции М. Калемли в ходе своего визита в Азербайджан, Казахстан, Киргизию, Туркмению и Узбекистан активно пытался формировать «тюркский над-парламент» (Бабурин С. Н., 1997). Народы, исповедующие ислам, проживающие на территории РФ, также входят в сферу интересов Турции. Параллельно весьма распространены были в обществе идеи панславизма, «России для русских», панисламизма и прочее.

Когда региональная идентичность оказывается сильнее общероссийской, возникает опасность распада страны, что имело место в начале – первой половине 1990-х гг. На первую половину 1990-х гг. пришёлся пик кризиса государственной идентичности, выступающей консолидирующим фактором политической культуры. Причинами его стали радикальные социальные, политические изменения в обществе, противоречия федеративной политики, реакция на распад СССР, идеологический вакуум, возникший в 1990-е годы в связи с отрицанием властью старой советской идеологии, новые либерально-демократические ценности приживались с трудом. Некоторые исследователи считают правомерным говорить о кризисе идентичности в контексте процессов вестернизации, модернизации.¹¹ Процесс конвергенции

¹⁰ Российский статистический ежегодник. – М., 1997. С. 6-8, 21; Социально-экономическое положение России. – М., 1995. № 12. С. 10-12; 1998 № 1. С. 4-9.

¹¹ Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М., 2000. – С. 27.

политической культуры, то есть сближения, смягчения различий между Западом и Россией в плане фундаментальных ценностей, моделей поведения масс, обнажил региональную дифференциацию. Данный тезис подтверждают материалы социологических опросов. Так, в Ставропольском крае 35% респондентов считали себя «жителями Ставропольского края», 26% - гражданами России, 14% - жителями Северного Кавказа и 17% - гражданами бывшего СССР (Шматко Н.А., Качанов Ю.Л., 1998). Опросы общественного мнения конца 1990-х – начала 2000-х гг. по России в целом фиксируют сложную тенденцию, связанную с появлением значительной доли граждан, в сознании которых доминирует региональная идентификация: 34-35% россиян скорее ощущают себя жителями отдельного субъекта РФ, 29% - гражданами России и 22% обладают смешанной идентификацией. Причём, чаще других жителями целостного государства ощущают себя жители крупных городов с населением более 1 млн. человек. (Поляков Л.В., 2005).

Политические культуры многих стран представляют сочетание ряда субкультур (Германия, Италия, США). В России своеобразие ситуации состоит, во-первых, в том, что уровень противостояния здесь крайне высок. Это обусловлено в немалой степени неравномерностью экономического развития субъектов федерации, культурными различиями регионов. Во – вторых, в нашей стране существует особое понимание федерализма. Последний, по мнению большинства исследователей, стал эволюционировать в начале 1990-х в направлении национального сепаратизма и политической децентрализации. Л.В. Поляков полагает, что «распад России на отдельные территории являлся следствием как реализации тезиса «федерация – территориальная форма демократии», так и массового разочарования (фрустрации) в реформах» (Бусыгина И.М., 1999).

В РФ регионы на протяжении 1990-х гг., особенно в первой их половине, выступали ведущим субъектом политического действия: активно участвовали в отстаивании местных интересов, зачастую в противовес интересам Центра, принимая нередко форму открытого противостояния (Татарстан, Чечня), укрепляя для этого межрегиональные связи через создание всякого рода ассоциаций («Большая Волга», «Большой Урал», «Дальневосточная ассоциация»). Региональные элиты пытались консолидировать усилия на федеральном уровне, формируя коалиции. Главы «национальных» республик стремились продемонстрировать и Центру, и «титольной нации» свою «суверенность». Это было проявлением слабости государства, которое превращалось в «ассиметричную федерацию» - союз неравноправных субъектов.

В Германии, например, при высокой степени развитости регионального самосознания (только для 13,6% немцев важна общегосударственная идентичность, для 63% - локальная), политическая культура этой страны не предполагает расширения политических прав земель, что имеет место в России. Последние минимальны в Германии, Центр доминирует над регионами. Федерализм важен для немцев как принцип, нежели как конкретный механизм.¹²

Конфликт, о котором речь шла выше, привёл к децентрализации страны, утрате целостной политической культуры, угрозе потери, размывания общегосударственной идентичности. Подобные последствия заставили власть задуматься над консолидацией общества посредством укрепления вертикали власти, принять комплекс мер по воссозданию целостности страны. Путин В.В. в своём послании Федеральному собранию в 2000 г. по этому поводу признавал, что «у нас создано децентрализованное государство», что «в России федеративные отношения не построены и неразвиты. Региональная самостоятельность часто трактуется как санкция на дезинтеграцию государства...». В начале 1990-х центр многое отдал на откуп регионам, но уже скоро власти некоторых субъектов Федерации начали испытывать дефицит прочности центральной власти. «Власть на местах должна быть действенной. По сути, речь идёт о собирании всех ресурсов государства с целью реализации единой стратегии развития страны». Исходя из этого, был взят курс на выстраивание единой вертикали власти, централизацию. Из

¹²Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 2000 г.; «Период расползания государственности позади» (из послания Президента РФ Федеральному собранию, 2001) //Россия XXI в.: взгляд В.В. Путина /Сост.А.В. Филиппов. – Курск: ООО «ПОЛСТАР», 2005. - С. 15-16, 18.

послания 2001 г.: «Сегодня можно сказать: период «расползания» государственности позади. Одним из наиболее важных решений прошлого года было создание федеральных округов. Деятельность полномочных представителей заметно приблизила федеральную власть к регионам.¹³

Политика централизации власти носила поступательный, поэтапный характер. Первым шагом на пути к этому стала инициатива по созданию федеральных округов. Создание федеральных округов и преобразование института полномочных представителей президента связывалось в указе с «реализацией президентом своих конституционных полномочий, повышением эффективности деятельности федеральных органов государственной власти и совершенствованием системы контроля за исполнением их решений».¹⁴ Указ фактически вводил новое административно-территориальное деление на федеральные округа, параллельное тому, которое было закреплено к Конституции РФ 1993. Создание их радикально меняло режим в направлении централизации. Полномочные представители Президента наделены широкими полномочиями. В их компетенцию входит реализация основных направлений внутренней и внешней политики, контроль за исполнением решений федеральных органов власти, кадровая политика. Положением предусматривается также участие полпредов в работе органов местного самоуправления, контроль за исполнением федеральных законов.¹⁵ Общая тенденция состоит в централизации, бюрократизации и усилении патерналистских черт власти. Ведение института полпредства привёл к серьёзным модификациям существовавшего до этого механизма принятия решений в субъектах федерации; контроль за информационными, кадровыми ресурсами расширил возможности влияния в нужном ключе на массовое сознание населения региона. Некоторые исследователи полагают, что введение института полпредства ставит под вопрос конституционный механизм разделения властей в регионах в силу широты полномочий последних.¹⁶

Ещё одним направлением политики власти в указанном ключе стало создание нового высшего совещательного государственного института – Государственного совета РФ, указ о создании которого был подписан 1 сентября 2000 г. В его состав предполагалось включить губернаторов и глав республик, однако с самого начала Госсовет определялся как консультативный орган. Предполагалось, что в полном составе он будет собираться раз в три месяца, практическое ведение дел поручалось Президиуму, включающему по одному представителю (губернатору, президенту республики) от каждого из семи федеральных округов, причём состав должен меняться каждые полгода. Подобная структура позволяла осуществлять ротацию кадров, централизованный контроль за деятельностью исполнительной власти в регионах.

Созданное в 2004 г. министерство регионального развития РФ призвано координировать работу «по выработке государственной политики в сфере социально-экономического развития субъектов РФ, федеративных, национальных отношений; осуществлять мониторинг деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти соответствующих субъектов РФ по стабилизации общественно-политической обстановки...».¹⁷

По мере формирования вертикали власти стирались поведенческие различия между регионами. Выборы становились всё более предсказуемыми, неинтересными для населения в силу отсутствия интриги, реальной конкурентоспособности политических сил, отсутствия реальной оппозиции. В этом смысле стоит не согласиться с мнением участников пресс-конференции, проходившей 22 марта 2004 г. «Губернаторские выборы в России: итоги и

¹³ Указ Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента в РФ в федеральном округе// http://www.dfo.ru/plenipotentiary/docs/u_13052000. г.

¹⁴ Положение о полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе № 849 от 13 мая 2000 г.// http://www.dfo.ru/plenipotentiary/docs/u_13052000. г.

¹⁵ Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003, с.294-295.

¹⁶ Указ Президента РФ от 13 сентября 2004 г. № 1168 «О министерстве регионального развития РФ»// <http://www.government.ru/institutions/ministries>.

¹⁷ <http://www.wciom.ru/?pt=1137&articl=636/>.

уроки». В качестве одной из основных тенденций регионального развития был назван процесс обновления региональной элиты, обострения политической конкуренции на местах. Выводы базировались на приводимых цифрах: если в декабре 2003 г. в ходе выборов сменились главы двух регионов из 10, то по результатам мартовского волеизъявления 2004 г. уже в трёх из 10 планируется смена губернаторов (Бусыгина И.М.). Но приведённую статистику можно трактовать не только как проявление демократических тенденций на местах, но и как факт централизации власти, стремление Центра видеть в регионах доверенных ему лиц, послушных исполнителей воли центра. В этой связи становится логичной и понятной вторая высказанная на той же конференции тенденция – «сомнительность политического будущего губернаторов – коммунистов».

Реформирование политической системы конца 1990-х – начала 2000-х гг. повлекло за собой, эволюцию массового сознания, политического поведения электората. Во многом это было связано с поиском компромисса между Центром и региональными лидерами, которые перед лицом усиливающейся Федеральной власти выбирали вариант сотрудничества и послушания в обмен на сохранение своих позиций в регионе. Особенно ярко данный момент проявился в национальных образованиях (например - Поволжья), где до сих пор без учета каких-либо конституционных ограничений у власти находятся лидеры, избранные еще в начале 1990-х гг. Изменение «политической окраски» лидеров отразилось на политических взглядах и пристрастиях населения.

За вторую половину 1990-х годов электоральные предпочтения жителей «красного пояса» претерпели эволюцию, изменив свои идеологические пристрастия с оппозиционных на проправительственные (центристские). Показательны результаты выборов в классических регионах «красного пояса» - Ульяновской, Волгоградской областях, Краснодарском крае. Рубежным в эволюции политического поведения стал 2000 г. До этого времени коммунисты имели существенный перевес в указанных регионах. В 1996 г. Г. Зюганов получил 56,3 и 50,5% соответственно против 37,8 и 44% у оппонента. В 1999-2000 гг. патриотически настроенный электорат пошёл за «Единой Россией», В. Путиным, разделяя предложенные ими великодержавные лозунги. Это дало основание политологам говорить о размывании «красного пояса» в России, но он никуда не исчез. В этих же регионах в марте 2004 г. В. Путин заручился поддержкой 66, 63 и 67,37% избирателей соответственно, Харитонов – 19,3, 21,9 и 19,29%.¹⁸ Несмотря на существенный отрыв, позиции левых здесь оказались выше, чем в среднем по стране. Причины следует усматривать, во-первых, в том, что догматизированные положения КПРФ оказались устаревшими, нуждались в корректировке применительно к требованиям времени. Немаловажную роль в эволюции политического поведения сыграл экономический фактор. Общая картина – стагнация производства, дотационная зависимость от Центра. Опасения насчёт возможных проблем инвестирования регионов «красного пояса» из-за засилья там коммунистов (не пользуются расположением инвесторов). Наличие проправительственного руководителя, таким образом, снимает некоторые вопросы экономического характера.

На современном этапе изменилась и среда существования политического режима в регионах в связи с внесёнными в избирательное законодательство корректировками: система выборов губернаторов, предусматривающая одобрение или неодобрение местным Законодательным собранием предложенной Президентом кандидатуры. Это повышает управляемость и предсказуемость регионального политического механизма; знаменует собой потерю самостоятельности региональных политических акторов. Ставленники Москвы (губернаторы, полпреды) оказывают влияние на политическое сознание, поведение электората с целью достижения «нужного» результата - поддержка «Единой России». Средства и методы воздействия дифференцируются: в Нижегородской области они построены на критике В. Шанцевым местной власти в лице мэра Н. Новгорода; в Чечне – на клановости, в Чувашии, Татарстане – на апелляции к национальной принадлежности лидера республики, культурно-историческим традициям, представлении об этнонациональном образовании как носителе этих традиций. Модель

¹⁸Эксперт, 2003, № 47. С.23; Власть, 2004, № 11. С. 17.

воздействия, манипуляции сознанием строится с учётом специфики регионов, менталитета населения, но конечный результат единый - формирование позитивного образа федеральной власти, лояльного отношения населения к Центру и его политике, стабилизация политических настроений.

На данный момент в большинстве регионов не существует сил, продвигавших отличный от официального политический курс. Незначительное противостояние между мэром Н. Новгорода и губернатором не перерастают в политический конфликт, хотя имеют все предпосылки для его развития. А высказывания В. Булавинова (мэр г. Нижний Новгород) за 2008 – 2009 гг. имеют ярко выраженный аполитичный характер, представляя мэра скорее как хозяйственника, а не политика. Эфемерность, призрачность оппозиции в РФ (прежде всего, коммунистов) на сегодняшний день обусловлены не только целенаправленным курсом власти на формирование единого идеологического поля, но и неадекватностью времени догматизированных идеологических принципов, отсутствием харизматического лидера в среде КПРФ, общей тенденцией отхода от идеологических крайностей и тяготения к центризму в стране.

Подводя итог выше сказанному, можно констатировать, что фактор этничности играл и продолжает играть существенную роль в определении направленности политических процессов, протекавших в РФ на рубеже XX – XXI веков. С одной стороны, с активизацией использования данного обстоятельства связаны центробежные тенденции в государстве в 1990-е годы; с другой, по причине схожести региональных (в том числе и в этнорегионах) политических субкультур стал возможен процесс консолидации социума конца XX – первого десятилетия XXI веков. За последние пятнадцать лет произошли существенные изменения во взаимоотношениях Центра с регионами в плане унификации российского политического пространства, достижения однородного идеологического поля. Благодаря этому удалось стабилизировать политическую ситуацию в регионах, достичь спада радикальных и оппозиционных настроений. Но на фоне этого растёт уровень абсентеизма, аполитичности, аморфности общества.

Как видно из выше приведённого текста, российские региональные субкультуры обладают определённой спецификой, обусловленной рядом аспектов, в том числе и этноконфессиональными. Но, по сути, это подварианты общероссийской модели, имеющие общие архетипические черты (патернализм, этатизм и пр.), характерные для политической культуры России в целом. Именно по этому стали реальными начинания правящей элиты РФ по преодолению сепаратистских тенденций, по реализации политики построения гражданского сообщества. Позитивную роль в налаживании диалога с обществом и построении правительственно курса сыграли также осознание и учёт российской ментальности, исторических традиций. Единство политических элит во многом предопределило согласованную поддержку партии власти на местах.

REFERENCES

- Ачкасов В.А. Этнополитология: Учебник. – СПб: Изд-во С-Петербург. ун-та, 2005. – 337 с. – С. 12-13;
Бабаев С.А. Этническое измерение современной России. Автореф дисс.....С.11.
Ахременко А.С. Электоральное участие и абсентеизм в российских регионах: закономерности и тенденции// Вестник Московского университета. Серия 12. «Политические науки», 2005. № 3. С. 96-97.
Бабаев С.А. Этническое измерение современной России. Автореф дисс. ...канд. Полит. наук. – СПб, 2000. С. 18.
Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. - С. 432.
Бусыгина И.М. Региональное самосознание в Германии: исторические предпосылки и современное состояние// Региональное самосознание как фактор формирования

- политической культуры в России. Материалы семинара (Тверь, 5-7 марта 1999 г.). – М., 1999. – С. 12, 18.
- Бусыгина И.М. Региональное самосознание в Германии...//Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры, С. 16.
- Ишманова Г.Д. Взаимодействие политического сознания и политического поведения граждан России (на материалах республики Башкортостан). Автореферат...канд. Полит. Наук. – Уфа, 2002, с.18; Савичев В.Л. Электоральное поле в республике Башкортостан: состояние, динамика, основные тенденции. Автореферат ...канд. полит. наук. – Уфа, 1998. – С.17.
- Колосов В.А., Криндач А.Д. Тенденции постсоветского развития массового сознания и политическая культура Юга России// Политические исследования, 1994, № 6, с.120-127.
- Поляков Л.В. Политическая система современной России». Конспект лекций. – М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2005. – С. 75;
Административно-территориальное устройство России. История и современность. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С.278.
- Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. – М.: «Совпадение», 1998. – 368 с. – С. 283; Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. Материалы семинара (5-7 марта 1999 г., Тверь). – М., 1999. – С. 13-14.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка (отрывки из книги) // Pro et Contra, 1997. Т. 2. № 2. С. 142 – 143.
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования// Социологические исследования (далее – «Социс»), 1998. № 4. - С. 94;
Материалы международной научно-практической конференции «Культура и менталитет сибиряков»// <http://spbumag.nw.ru/2003/27/5.shtml>.
- Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс, 1998. № 4. С. 73.

Editor: В.П.Савон